

Максъ Шеллеръ

(Некрологъ).

Въ расцвѣтъ творчества, въ сравнительно нестаромъ возрастѣ, 55 лѣтъ, скончался Максъ Шеллеръ, безспорно самый талантливый мыслитель современной Германіи. Шеллеръ авторъ многочисленныхъ интереснѣйшихъ философскихъ трудовъ. Но онъ вообще не создатель безличной отвлеченной философской теоріи. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ избраннымъ натурамъ, творчество которыхъ носитъ яркій личный отпечатокъ и отражаетъ на себѣ духовную значительность конкретной личности автора. И вмѣстѣ съ тѣмъ въ его творествѣ чувствовалось бѣіеніе духовнаго пульса времени, онъ старался охватить духовную жизнь современности въ ея цѣлостности и найти для нея систематическое философское выраженіе. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ въ одномъ ряду съ такими вождями современной нѣмецкой духовной жизни, какъ недавно (и тоже преждевременно) умершіе Георгъ Зиммель, Максъ Веберъ и Эрнстъ Трельчъ.

Шеллеръ вышелъ изъ школы Гуссерля. Какъ извѣстно, Гуссерлю принадлежитъ заслуга обновленія современной мысли черезъ преодоленіе субъективизма и психологизма господствовавшихъ въ ней, опредѣленныхъ кантіанствомъ, направленій. Этимъ онъ явился зачинателемъ новаго, современнаго расцвѣта нѣмецкой философіи. Въ своемъ, т. наз. «феноменологическомъ» методѣ онъ вновь открылъ для философіи путь предметнаго, объективнаго знанія; онъ намѣчаетъ этотъ путь въ чистомъ непредвзятомъ описаніи внѣвременной родовой сущности явленій, въ «созерцаніи сущности» (*Wesenschau*) въ отличіе отъ генетическаго или каузальнаго метода спеціальныхъ наукъ.

Замыселъ Гуссерля былъ при этомъ освободить философію отъ всего субъективнаго-личнаго, отъ связи съ духовными запросами и вопросами «міросозерцанія», и создать изъ нея подлинно точную науку. Исторія философской мысли повторила надъ этимъ замысломъ Гуссерля ту же насмѣшку, которая была суждена аналогичному замыслу Канта. Едва Гуссерль успѣлъ начать

работать на намѣченномъ имъ пути, какъ его лучшіе и наиболѣе одаренные ученики — и изъ нихъ первымъ Максъ Шелеръ — использовали его методъ для возрожденія метафизики, для пробужденія и осмысленія коренныхъ вопросовъ міросозерцанія. Безстрастно-научное описаніе структуры явленій быстро превратилось въ углубленный анализъ проблемъ духовной жизни. Шелеръ, въ своемъ первомъ, необычайно тонкомъ и глубокомысленномъ трудѣ «Формализмъ Канта и этика цѣнностнаго содержанія» строить новую этику, какъ метафизику объективнаго нравственнаго міра цѣнностей, въ который внѣдренъ и которому служить человѣкъ. Въ противоположность формалистики и бѣдности этики Канта, которая знаетъ въ сущности только одну нравственную цѣнность — цѣнность абстрактной человѣческой личности, какъ таковой — Шелеръ развѣртываетъ сложную и богатую систему нравственныхъ цѣнностей, показываетъ ихъ іерархію, вскрываетъ возможныя антиноміи между ними.

Отсюда — только одинъ шагъ къ признанію и обоснованію религіознаго сознанія, къ построенію духовно-нравственной жизни и общественной культуры на объективныхъ религіозныхъ основахъ. Это становится задачей дальнѣйшихъ трудовъ Шелера. Труды эти «Низверженіе цѣнностей» и «О вѣчномъ въ человѣкѣ», отличаются несравненной въ современной нѣмецкой литературѣ, глубиной, полнотой идей, тонкостью анализа, проницательностью мысли. Католикъ по рожденію, Шелеръ въ эту эпоху (1918-23) посвящаетъ свое творчество оправданію и уясненію католическаго міросозерцанія, сохраняя при этомъ полную свободу и оригинальность мысли. Используя великіе мотивы платонизма, воскрешенные въ философіи Гуссерля, Шелеръ въ отличіе отъ официальнаго католическаго богословія, связаннаго системой томизма, этого выраженія средневѣковаго раціонализма, пытается возродить болѣе свободныя и близкія современному духу начала августинизма, утвердить католическое міросозерцаніе на платонизмѣ бл. Августина и средневѣковой нѣмецкой мистики. Нѣкоторыя основныя идеи этихъ книгъ по своей значительности и плодотворности войдутъ въ составъ наиболѣе цѣнныхъ достиженій современной философской мысли и во всякомъ случаѣ сохранятъ свое значеніе, какъ самыя яркія выраженія того духовнаго перелома мысли, того перехода отъ гуманитарнаго позитивизма и идеализма къ положительной религіи, которые переживаетъ теперь европейская мысль.

Католики, сначала увидѣвшіе въ немъ цѣннаго и могучаго союзника, вскорѣ начали идейную борьбу съ его «ересями» и разошлись съ нимъ. Но и онъ по своей собственной инициативѣ разошелся съ ними, покинувъ тотъ кругъ идей, который онъ защищалъ съ такимъ блескомъ и мастерствомъ. Въ послѣдніе годы

его творчества въ центрѣ его идей стоитъ человекъ и общество, интересы религіозные смѣняются интересами социологическими, психологическими и культурно-философскими. За небольшимъ, какъ всегда блестящимъ и тонкимъ этюдомъ о «Сущности и формахъ симпатіи», слѣдуетъ рядъ сборникового статей по вопросамъ социологіи, завершающійся обширнымъ трудомъ «Формы знанія и Общество». Шелеръ склоняется здѣсь къ прагматизму и даже къ основнымъ методамъ экономическаго матеріализма (конечно, въ облагороженной и духовно-утонченной формѣ). Смерть застала его надъ созданіемъ «Антропологіи», новаго философскаго ученія о сущности человека; этотъ трудъ онъ самъ разсматривалъ, какъ завершеніе своего жизненнаго творчества.

Исключительно богато одаренный духъ Шелера — можно сказать, геніальный въ томъ смыслѣ, что онъ отъ рожденія призванъ былъ къ философіи и не сочинялъ, а изъ своихъ нѣдръ рождалъ свои идеи — обладалъ однимъ недостаткомъ, который отпечатался на его творествѣ и ограничилъ его духовное значеніе. Шелеръ не принадлежалъ къ числу тѣхъ классическихъ мыслителей, которые призваны въ міръ сказать *одно свое* слово, выразить въ единой всеобъемлющей интуиціи, въ одномъ міропониманіи все свое существо. Шелеръ въ теченіи своей творческой жизни нѣсколько разъ мѣнялъ свое міровоззрѣніе. Въ немъ не было и того аскетическаго духа, той суровой нравственной серьезности въ исканіи истины, которая присуща настоящимъ философскимъ геніямъ. Философское познаніе, въ которомъ онъ былъ истиннымъ мастеромъ, было для него скорѣе радостной игрой, въ которую онъ не вкладывалъ всю энергію своего духа. По личному складу своей натуры, онъ былъ эпикурейцемъ, извѣдавшимъ не однѣ лишь радости чистаго созерцанія, но и многія другія радости жизни. Его исключительная одаренность давала ему возможность развить, не смотря на разсѣянный образъ жизни, совершенно изумительную продуктивность, но отсутствіе строгой духовной сосредоточенности несомнѣнно все же ослабляло его идейную значительность. Въ хорошемъ и въ дурномъ онъ ничуть не походилъ на обычный типъ нѣмецкаго ученаго. Онъ пронесся надъ нѣмецкимъ духовнымъ горизонтомъ какимъ-то метеоромъ, испускавшимъ ослѣпительно-блестящій фейерверкъ идей. Его внѣшняя жизнь была полна превратностей и бурь. Въ немъ своеобразное сочетаніе нѣмецкой мистической глубины, фаустовской духовной жажды съ французскимъ скептическимъ эпикурействомъ типа Ренана или Анатоля Франса. Весь характеръ переходности, шаткости, духовной неустойчивости, присущей нашей эпохѣ, какъ бы воплотился въ этой замѣчательной личности.

Прибавимъ, что Шелеръ, подобно всѣмъ духовно чуткимъ и глубокимъ нѣмцамъ, живо интересовался русской мыслью и

хорошо ее зналъ. Съ большинствомъ русскихъ философовъ, живущихъ за границей, онъ находился въ тѣсномъ дружескомъ общеніи. Въ 1924 году эта связь выразилась въ томъ, что онъ выступилъ въ Берлинѣ въ засѣданіи русской религіозной философской академіи съ блестящимъ, какъ всегда, докладомъ о «Смыслѣ страданій».

С. Ф р а н к ъ

